

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КИТАЯ

П. А. Комаровская

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ О ЖЕНЩИНАХ РЕГИОНА ГУАНЬЧЖУН (провинция Шэньси, КНР)

Аннотация: Фольклор представляет собой бесценный источник для изучения народной культуры. Объектом изучения настоящей статьи являются народные песни региона Гуаньчжун — центральной части провинции Шэньси, расположенной в самом сердце Китая. Автор статьи в течение ряда лет занимается изучением народной культуры данного региона, и обращение к фольклору стало продолжением этих исследований. В статье представлены стихи на различные темы и описаны отраженные в них реалии народной культуры.

Ключевые слова: КНР, Шэньси, Гуаньчжун, женская тема, народная песня, народная культура, фольклор.

Polina Komarovskaya

Reflection of Cultural Realities in Folk Songs about Women of Guanzhong Region (Shaanxi Province, China)

Abstract: Folklore is an invaluable source for studying folk culture. The object of this article is folk songs of the Guanzhong region, the central part of Shaanxi Province, located in the heart of China. The author of the article has been studying the folk culture of this region for a number of years, and turning to folklore was a continuation of this research. The article presents poems on various topics and describes the realities of folk culture reflected in them.

Keywords: China, Shaanxi, Guanzhong, women's theme, folk song, folk culture, folklore.

Название «Гуаньчжун» носит центральная срединная часть пров. Шэньси (КНР). Основной местный ландшафт отличается от лессовой северной и гористой южной частей провинции:

большую часть региона занимает плодородная аллювиальная Гуаньчжунская равнина, расположенная на берегах р. Вэйхэ. Часть этой равнины лежит на территории пров. Хэнань, в западной части г. Саньмэнъянь 三门峡. В Гуаньчжуне находится ряд исторически значимых городов, самым крупным из которых является Сиань. Местные культурно-исторические достопримечательности каждый год привлекают миллионы туристов со всего мира. В плане экономики Гуаньчжун представляет собой главным образом сельскохозяйственный регион. Природные условия позволяют снимать два урожая кукурузы и пшеницы в год. Автор настоящей статьи на протяжении нескольких лет изучает материальную культуру Гуаньчжуна, и обращение к женской теме в песенном фольклоре стало органическим продолжением этих исследований.

Главным источником для изучения народной песенной поэзии Гуаньчжуна стал сборник «Старые песни Гуаньчжуна» (*Гуаньчжун цю гэяо*; 关中旧歌谣) [1], изданный в Сиане в 2014 г. В нем представлено более 200 песен, которые разделены на три группы:

1. Детские. Содержит песенки как от лица детей (игровые, считалки и пр.), так и от лица взрослых (колыбельные, обучающие, игровые, успокаивающие и пр.); исторически сочиненные мальчиками песенки считались пророческими и воспринимались как знамения.

2. О женщинах. Поднимаются самые разные темы: любовь, отношения, семейная жизнь, труд, тяготы судьбы и пр. Многие из представленных в сборнике песен данной категории происходят из уезда Чанъань (ныне район г. Сиань).

3. Поговорки, пословицы и разное.

Темы часто пересекаются друг с другом.

Объектом изучения данной статьи были выбраны песни о женщинах, поскольку, по нашему мнению, именно в них нагляднее всего отразилась материальная культура.

Народная песня 歌谣 (*гэяо*) является одним из старейших жанров поэзии. «Шицзин» (XI–VII вв. до н. э.), древнейший китайский

поэтический сборник, относится именно к народному песенному жанру. После появления этой книги представители высших слоев стали интересоваться фольклором [2, с. 83]. В отличие, например, от картины няньхуа [3, с. 15–18], народные песни во все времена вызывали интерес и любовь у китайских интеллектуалов. Например, живший в эпоху Мин ученый и деятель литературы Ху Инлинь 胡应麟 (1551–1602) высоко ценил ханьские юэфу. Цинский поэт и дипломат Хуан Цзунсянь 黄遵宪 (1848–1905) в своем творчестве вдохновлялся народными песнями своего родного Южного Китая [4, с. 62].

История китайской литературы, в целом, и древней песенной поэзии, в частности, детально изучена отечественными китаеведами. По этой причине здесь мы не будем подробно останавливаться на данном аспекте.

По убеждению составителя сборника «Старые песни Гуаньчжуна» Цзун Минъяня, на протяжении тысячелетий китайские интеллектуалы использовали народные песни лишь как «инструмент», не уделяя внимания их историческому и культурному значению. Первым подлинным китайским исследователем китайских народных песен Цзун Минъян называет Ду Вэнъланя (杜文瀾, 1815–1881). В период Сяньфэн (1850–1861) этот ученый впервые рассмотрел китайский песенный фольклор с исторической и культурной точки зрения. В составленный Ду Вэнъланем сборник, озаглавленный «Древние народные песни» (*Гу яоянь; 古谣谚*), вошло более 3300 песен и поговорок. Составление сборника сводилось не к полевой, а к исследовательской работе, в процессе которой Ду Вэнълань изучил 860 разных письменных источников.

Начало изучения современной народной поэзии датируется 1918 г. Группа ученых из Пекинского университета, куда входили брат писателя Лу Синя Чжоу Цзожэнь 周作人 (1885–1967), Гу Цеган 顾颉刚 (1893–1980), Цянь Сюаньтун 钱玄同 (1887–1939) и др. организовала Общество исследования народной песни (*Гэяо яньцюхуэй; 歌谣研究会*). Члены Общества собирали народные

песни по всей стране. Они подчеркивали факт, что внимания заслуживают все произведения, включая содержащие предрассудки и непристойности [1, с. 1]. Интересно, что Гу Цзеган отождествлял термины «фольклор» и «народная культура».

В 1920-х гг. в Пекинском университете начинает издаваться еженедельник «Народные песни», а в университете им. Сунь Ятсена — еженедельник «Фольклор». Тогда же дисциплины, связанные с народным творчеством, вводятся в университетские программы [2, с. 84–85].

В 1926 г. Лю Аньго 刘安国 (1895–1989) занимался изучением народной песни пров. Шэньси. Многие из записанных им песенок вошли в сборник «Старые песни Гуаньчжунца». Цзун Минъян не приводит данных относительно времени появления той или иной песни, а также конкретной местности ее распространения. Во введении лишь обозначены временные рамки — конец периода Цин (30 год правления императора Гуансюя, т. е. 1831) — 20 год республики (1931 г.). Фактически, родиной песен является вся пров. Шэньси, Гуаньчжун же вынесен в заглавие по лингвистической причине. Цзун Минъян говорит о Гуаньчжунской языковой системе, которая распространена также в Северной и Южной Шэньси. В наши дни произношение некоторых слов в Гуаньчжуна отличается от южных и северных вариантов, но в ранний период КНР и до него эта разница была менее выражена. Слова, исчезающие из лексикона жителей Гуаньчжунца, могут сохраняться в Южной и Северной Шэньси [1, с. 7].

Жители Гуаньчжунца говорят на диалекте из подгруппы *чжунъюань* 中原 («Центральной равнины») северных диалектов китайского языка, которые также распространены в некоторых районах провинций Цзянсу, Хэнань, Шаньдун, Аньхуэй, Хубэй, Шаньси, Ганьсу, Цинхай и Нинся-Хуэйского АР. Диалекты *чжунъюань* легли в основу литературного дунганского языка. В народных песнях можно встретить некоторые слова, не характерные для нормативного диалекта.

Тем не менее, различный природный ландшафт трех частей пров. Шэньси не мог не сказываться на характере народных песен каждой местности. Так, для сурового северного региона характерен «плачущий» тон и настроение грусти. Расположенная на Лессовом плато северная Шэньси долгое время находилась на государственной периферии и являлась зоной столкновения китайской цивилизации с кочевыми народами. На местную народную песню значительно повлияли песни, которые исполнялись в рамках сложного погребального обряда, состоящего из 15 ритуалов [5, с. 21].

В Южной Шэньси можно отметить народные песни уезда Чжэнъба (г. Ханьчжун). Здесь пролегают горы Даба, тяготы жизни в которых нашли отражение в народном творчестве. Местность населена представителями различных национальных меньшинств, таких как мяо, хуэй, уйгуры, чжаны и пр., что также придавало и придает особенный колорит народной песне [6, с. 4].

В сборнике «Старые песни Гуаньчжуна» почти к каждому стихотворению имеется комментарий, в котором даны пояснения к сложностям в тексте, что стало значительным подспорьем.

Мной был сделан стихотворный перевод избранных песен о женщинах. Это чисто творческий интуитивный эксперимент, проведенный без оглядки на существующие концепции стихотворных переводов с китайского на русский. Отчасти меня оправдывает невозможность полноценной передачи смысловых и художественных особенностей китайской поэзии на русском или каком-либо другом языке. На данный факт во вводной части сборника своих переводов ссылается М. Е. Кравцова, для которой целью является ознакомление читателей с китайской поэзией, но не создание полноценных переводных поэтических произведений [7, с. 50]. Народные песни Гуаньчжуна проще в плане построения и смыслового наполнения по сравнению со стихами, которым посвящены исследования М. Е. Кравцовой.

Особенности китайских стихов, которые невозможно передать русским языком, описывал также Л. Н. Меньшиков: китайское

стихосложение (чередование тонов), китайский тип рифмы, односложность китайских слов. Китайский стих неизбежно облекается в русские размеры и рифмы и прирастает в размерах за счет увеличения количества слогов. В своих стихотворных переводах Л. Н. Меньшиков стремился прибегать к русской рифме, передающей порядок рифмованных строк [8, с. 5–35].

Перейдем непосредственно к примерам народных гуаньчунских песенок о женщинах. Поскольку своей целью я полагаю в первую очередь культурологический анализ, были выбраны песни на самые разные темы и с разным настроением: о непутевой невестке, о грусти перед свадьбой, о судьбе наложниц, об уделе сироты, о любящем супруге, о семейной жизни, о сватовстве, и, наконец, некогда популярная песня, которая запомнилась людям и прижилась в народной культуре.

Песенка «Вечно правая» (*chan юли; 常有理*) представляет собой диалог-препирательство с невесткой-лентяйкой. Среди гуаньчунских песенок можно найти подобные со схожим сюжетом, часто с их помощью успокаивали плачущих детей.

你为什么不点灯？外面刮大风！为什么不梳头？莫有桂花油！为什么不洗脸？莫有胰子硷！为什么不戴花？丈夫不在家！为什么不关门？外面还有人！[1, с. 69]

Nǐ wèishéme bu diǎndēng? Wàimiàn guā dàfēng! Wèishéme bù shūtóu?
Mò yǒu guīhuā yóu! Wèishéme bù xīliǎn? Mò yǒu yí zi jiǎn! Wèishéme
bù dài huā? Zhàngfū bù zàijiā! Wèishéme bù guānmén? Wàimiàn hái
yǒurén!¹

Почему сидишь без света?

Оттого, что дует ветер

Что прическа в беспорядке?

¹ Здесь для более наглядной передачи рисунка оригинальной китайской народной песни нами используется система пиньинь с обозначением тонов, а не принятая в синологических научных трудах транскрипция в системе Палладия.

Нету масла для укладки
Почему лицо не мыто?
Мыло сгинуло в корыте
Отчего цветов не носишь?
Оттого, что муж не просит
Почему сидишь у входа?
Там снаружи люди бродят.

В данной песне используется все еще встречающееся в некоторых районах старое обозначение мыла — *ицзы цзянь*; 腺子硷. Такое моющее средство делали с периода Цин, в состав его входили каустическая сода и свиная поджелудочная железа. С целью упрощения понимания стиха русским читателем опущено название растения, из которого делали масло для укладки волос (*гуйхуа* 桂花, османтус).

В песне «Желтые цветы» (*кай хуанхуа*; 开黄花) отражена грусть невесты, весенним днем покидающей отчий дом.

姑姑等, 开黄花。张家女, 给王家。先抬轿, 先吹打, 她妈在后院哭冤家, 她爸说:赶紧拾马莲花, 不到十天可来呀! [1, c. 75]

Gūgū děng, kāi huánghuā. Zhāng jiā nǚ, gěi Wángjiā. Xiān tái jiào, xiān chuīdǎ, tā mā zài hòuchuàn kū yuānjiā, tā bà shuō: Gǎnjìn shí mǎ liánhuā, bù dào shí tiān kě lái ya!

Тетушка-голубушка, обожди немного
Все баньяны желтые в цвете за порогом
Отчий дом пора пришла покидать невесте
И в далёком доме Ван будет мое место
Сяду в красный паланкин, грянут музыканты
И за домом на дворе зарыдает мама
Наставления отец мне дает от сердца:
«Мужа свято почитай, поспеши с младенцем
Как минует долгный срок, на день будешь с нами
Станем мы, как повелось, ждать тебя с дарами».

В Чанъане (район г. Сиань) и близлежащих уездах баньяны, которые цветут желтым цветом, называют «гугу дэн» (姑姑等; букв. «тетушка, жди»). Судя по всему, это звукоподражание пению голубя, которое начинается в период цветения баньянов. В оригинальной китайской версии данной песни используется выражение «сорвать лотосы» (*шима ляньхуа*; 捡马莲花), что означает «родить ребенка». В пров. Шэньси лотос среди всего прочего символизирует акт деторождения. Также отец говорит о визите дочери через десять дней (...不到十天可来呀; будао шитянь кэ лай). В Китае более распространен обычай, по которому невеста приезжает в гости в отчий дом через три дня после свадьбы. Однако в Чанъане и Линьтуне (р-ны г. Сиань), а также в г. Вэйнань бытует несколько иная традиция — в первые три дня молодая жена должна продемонстрировать семье мужа свои кулинарные способности и отдать дань уважения членам новой семьи. Родительский дом она может навестить только на десятый день.

Песня «Продали старшую сестру...» (卖大姐; *май дацзе*) посвящена необходимости жены или наложницы во всем следовать за мужем и быть ему верной опорой. Женитьба требовала соблюдения целого ряда ритуалов и традиций, в то время как наложницу просто приводили в дом или выкупали у родителей либо, в случае личной зависимости, у владельца [9, с. 88–99].

大姐卖给高官家，又是骑骡陷马马，二姐卖给木匠家，又是拉锯扯木渣。三姐卖给画匠家，又是捉笔画菩萨，四姐卖给铁匠家，又是打铁抡锤把. [1, с. 89]

Dàjiě mài gěi gāoguān jiā, yòu shì qí luó diàn mǎ mǎ, èr jiě mài gěi mùjiàng jiā, yòu shì lājù chě mù zhā. Sān jiě mài gěi huàjiàng jiā, yòu shì zhuō bīhuà púsà, sì jiě mài gěi tiějiàng jiā, yòu shì dǎtiě lūn chuí bǎ.

Продали старшую сестру
Чиновнику в наложницы
Ее судьба — большой валун
Что как приступка к лошади

Попала средняя сестра
В семью трудяги-плотника
Ей суждено ножовкой стать
Что дуб крошит на ломтики

Сестрицу третью домой
К художнику отправили
Ее удел — быть кистью той
Что пишет боддисатв

Последнюю сестру забрал
К себе кузнец прилежный
Ее судьба как черенок
От молота железного

Короткая песня «Семейное общее дело» (两口子合作; *лян коуцзы хэцзо*) — одна из наиболее широко распространенных и старых Гуаньчжунских песенок. В ней представлен традиционный бытовой жизненный уклад китайцев: в то время как муж зарабатывает средства на жизнь, цель жены — их сберегать. Экономное ведение хозяйства много значило для жителей в целом небогатой Шэньси.

男人是挣钱的耙耙子，女人是积钱的匣匣子 [1, c. 77].

Nánrén shì zhèng qián de bà bàzi, nǚrén shì jī qián de xiá xiázi

Муженек как грабельки
Деньги загребает
Женушка как ящичек
Копит, сберегает

Семейной жизни посвящена также песня «Пара ругается» (夫妻打架; *фуцизи дацзя*).

纺花车，是圆的，两口子打架是玩的，打是亲，骂是爱、不打不骂是祸害，两口子打架没人拖，被子窝里有乡约 [1; c. 71].

Fǎng huāchē, shì yuán de, liǎng kǒuzi dǎjià shì wán de, dǎ shì qīn, mà shì ài, bù dǎ bù mà shì huòhài, liǎng kǒuzi dǎjià méi rén tuō, bèizi wō li yǒu xiāng yuē

Колесо на прялке кружит
Веселимся с милым мужем
Ссора сблизит, ругань сдружит
Жизнь без них гораздо хуже

Помирить нас не пытайтесь —
Не продлится долго ссора
После самой лютой свары
Будет мир под одеялом

В оригинале песни говорится о «деревенском соглашении» (*сян юэ; 乡约*) — договоре между жителями деревни, который регламентирует, например, местные названия и правила поведения.

В разных регионах Гуаньчжуна были распространены различные варианты песни о ткачихе за работой (织布歌; *чжибу гэ*; «Ткацкая песня»). Приведем один из них:

织布，织布，当当，一天织了三丈，娃子要穿褂褂，女子 要穿夹夹。
他妈要红裙子，他大要穿花云子 [1, c. 67].

Zhī bù, zhī bù, dāngdāng, yītiān zhīlè sān zhàng, wáizi yào chuān guà guà, nǚzǐ yào chuān jiā jiā. Tā mā yào hóng qúnzi, tā dà yào chuān huā yún zi

Туки-туки, ткацкий стан
За день тку я третий чжан
На рубашку для мальчонки
На кофтенки для девчонки
Для свекровки — юбку в цвет
Свекру — вышитый жилет

Подобные песни часто исполнялись в зимний период, свободный от полевых работ. Собираясь вместе, женщины ткали или пряли, сопровождая свою работу пением. Такое времяпрепровождение было распространено в Шэньси еще в 1970-х гг. Героиня песни собирается сшить сыну нарядную рубашку, которая может составлять верхнюю часть свадебного костюма *цюньгуа* 裙褂.

Это одеяние матери готовили детям с ранних лет. Для свекрови предполагается смастерить юбку красного праздничного цвета. В песне встречается гуаньчжунское название отца: *да*; 大 (большой). Предназначенный свекру вышитый жилет в оригинале называется «цветочное облако» (*xua юньцзы*; 花云子).

О тяжелой судьбе сироты повествует песня «Розы» (玫瑰花; мэйгуэй *xua*).

玫瑰花，开得早，娘把女儿丢得小。一对枕头绣不了，耳巴挨了多少。投河去，河太远；投井去，寻不见。继母逼得我没法，半夜三更挂挂面 [1, c. 107].

Méiguī huā, kāi dé zǎo, niáng bā nǚ'ér diū dé xiǎo. Yī duì zhěntou xiù bùliǎo, ěr bā àile duō duōshāo. Tóu hé qù, hé tài yuǎn; tóu jǐng qù, xún bùjiàn. Jímǔ bī dé wǒ méi fā, bànyè sāngēng guà guàmiàn.

Розы пахнут утром рано
Дочка выросла без мамы
Мне приданого не шили
Лишь затрецины дарили
Мне бы броситься в стремнину
Только путь к ней дюже длинный
Мне бы броситься в колодец
Разве хватится народец?
Злая мачеха — глаз волчий
Сжить меня со свету хочет
Жить мне больше нету мочи
Я повешусь среди ночи

Приданое, о котором говорится в этих строках, являлось очень важным атрибутом в жизни молодой женщины. Готовить его начинали с самого рождения дочери, и оно включало предметы на все случаи жизни. В его состав непременно входили вышитые вещи, часто представлявшие собой подлинные произведения искусства. Выросшая с мачехой сирота лишена не только материнской любви,

но и приданого, а значит ей вряд ли суждено выйти замуж. В периоды Мин и Цин невозможность обрести супруга и стать матерью сына по сути лишили женщину смысла жизни.

Использованное здесь выражение «повесить лапшу» (*гуагуа мянь*; 挂挂面) означает «повеситься».

Песня «Воздаяние за материнскую доброту» (*бао му энь*; 报母恩) рассказывает о дочерней любви.

小麻雀，丁、丁、丁，你抽线，我拿针。姊妹两个共一盏灯，做双花鞋送母亲。母亲怀我十个月，这样深恩报不尽 [1, с. 125].

Xiǎo máquè, dīng, dīng, dīng, nǐ chōu xiàn, wǒ ná zhēn. Zǐmèi liǎng gè gòng yī zhǎn dēng, zuò shuāng huā xié sòng mǔqīn. Mǔqīn huái wǒ shí gè yuè, zhèyàng shēn èn bào bù jìn.

Чик-чирик-чик птичка
Я возьму иголочку, ты протянешь ниточку
Две сестры под лампочкой
Маме вышьют тапочки
Десять долгих месяцев
Нас носила мамочка
Доброты великой
Не воздать нам ввек

В данной песне упоминаются туфли, которые две сестры вышивают в подарок матери. Вышивка имела особое значение в жизни китаянок по крайней мере начиная с эпохи Сун, этим навыком владели представительницы всех социальных слоев. Роль вышивки выходила далеко за пределы средства украшения одежды и предметов быта. В конфуцианском обществе вышивка давала женщинам возможность выразить свои чувства, проявить любовь к близким и даже тонко продемонстрировать интеллект. Помимо этого, вышивка была надежным способом заработка, позволявшим женщине с бинтованными ногами прокормить себя и свою семью в трудной ситуации [10, с. 58]. В наши дни

женщины дарят собственноручно вышитые вещи в качестве проявления особого отношения к родным и близким людям.

Трогательная песня «Извинения за жену» (为妻赔情; *вэйци пэйцин*) посвящена счастливому браку — молодой муж искренне любит свою супругу и прощает ей неумелое ведение хозяйства.

推推车， 拉拉蛋， 娶个媳妇怕做饭， 一顿做了两锅米， 女婿回来打了
两扁担， 媳妇睡着炕上不动弹。女婿在隔壁借了一盆雪花面， 撕得
纸， 切得线， 下到锅里莲花瓣， 筷子挑着似锁线， 媳妇姐， 你起来，
喝一口汤， 吃一口面， 谁再打你是王八蛋 [1, c. 103].

Tuī tuī chē, lā lā dàn, qǔ gè xífù pà zuò fàn, yī dùn zuòle liǎng guō mǐ,
nǚxù huílái dǎle liǎng biǎndan, xífù shuìzhe kàng shàng bù dòngtán.
Nǚxù zài gébì jièlè yī pén xuěhuā miàn, gǎn dé zhǐ, qiè dé xiàn, xià dào
guō lǐ lián huābàn, kuàizì tiāozhe shì suǒ xiàn, xífù jiě, nǐ qǐlái, hè yīkǒu
tāng, chī yīkǒu miàn, shéi zài dǎ nǐ shì wángbā dàn.

Скати-ка тележку, разбей-ка яйцо
Не может невестка готовить мясцо
Две порции риса свалила в котел
А зять с коромыслом с работы пришел
Невестка на кан завалилась и спит
Увидел то зять и к соседям спешит
Он теста для белой и толстой лапши
Без тени смущенья у них одолжил
Его раскатал и на нити крошил
Выходит так густо, что ложка стоит
Невестка, проснись, уж еда на столе
Лапшички в бульоне отведай скорей
Быть злым на тебя я не вижу причин
Ударить тебя может лишь сукин сын

Блюдо, о котором идет речь, в оригинальном тексте называется «снежная лапша» (*сюэхуа мянь*; 雪花面); она отличается белым цветом и толщиной теста.

В песне «Красные бобы» (*xūn dōudou*; 红豆豆) рассказывается о сватовстве и роли в нем свахи, которая, при благодушном отношении будущей свекрови, здесь выступает в некотором роде антагонистом. В комментарии к данной песне Цзун Минъянь указывает, что со свахами в Китае мирились вынужденно, поскольку без участия этих лиц было невозможно заключить брак.

红豆豆, 绿米米, 我给婆婆端椅椅。婆婆说我好娃娃, 我给婆婆栽菊花。
一树菊花没栽了, 听见门前黄狗咬。黄狗, 黄狗咬谁呢? 咬媒人!
媒人, 媒人你坐下, 黄狗, 黄狗你卧下, 给你烧茶炸芝麻。芝麻, 芝麻你莫炸, 这个媒事没定下。芝麻, 芝麻你炸啦, 这个媒事说定啦 [1, c. 5].

Hóngdòu dòu, lǜ mǐ mǐ, wǒ gěi pòpo duān yǐ yǐ. Pópo shuō wǒ hǎo wáwá, wǒ gěi pòpo zāi júhuā. Yī shù júhuā méi zāile, tīngjiàn mén qián huáng gǒu yǎo. Huáng gǒu, huáng gǒu yǎo shéi ne? Yǎo méirén! Méirén, méirén nǐ zuò xià, huáng gǒu, huáng gǒu nǐ wò xià, gěi nǐ **shāo chá zhà zhīma**. Zhīma, zhīma nǐ mò zhà, zhège méi shì méi dìng xià. Zhīma, zhīma nǐ zhà la, zhège méi shì shuō dìng la.

Красный боб, зеленый рис
Вот, свекровка, стул, садись!
Ладной ты меня назвала
Хризантем я насажала
Рос цветок, а вырос шиши
Разве этим удивишь?
Там под дверью рыжий пес
Это он цветы унес!
Лает с ночи до утра
Гонит сваху со двора
Ты на сваху не бреши
Смирным будь и полежи
В чай кунжути положу
Чашку свахе предложу
Коль кунжут я не нагрела
Мы решить не сможем дело

Как поджарю я кунжут
Будет муж мой тут как тут

Жареный кунжут, которым потенциальная невестка угощает сваху, использовали в качестве легкой закуски к чаю. Получив в конце концов достойный прием, сваха проявляет благосклонность и дает добро на брак.

Песня «Желтеет цветная капуста» (*цайхуа хуан*; 菜花黃) в шутливой форме рассказывает о невозможности самостоятельного выбора спутника жизни и следующем за этим несчастливом браке.

三月底, 菜花黃, 姊妹三个表新郎。大姐配了个没头发, 二姐配了个赛月亮, 只有三妹女婿好, 又禿又麻又尿床。说着说着齐生气, 一齐质问她们娘。娘说, 儿命都主强, 这事不能怪老娘 [1, c. 145].

Sān yuèdǐ, cài huā huáng, zǐmèi sān gè biǎo xīnláng. Dàjiě pèile gè méi tóufā, èr jiě pèile gè sài yuèliàng, zhǐyǒu sān mèi nǚxù hǎo, yòu tū yòu má yòu niàochuáng. Shuōzhe shuōzhe qí shēngqì, yīqí zhìwèn tāmen niáng. Niáng shuō, er mìng dōu zhǔ qiáng, zhè shì bùnéng guài lǎoniáng.

В марте желтеет капуста цветная
Трех женихов трем сестрицам сыскали
Первой достался супруг без волос
Муж у второй как луна в небе толст
И лишь у третьей завидный жених —
Нем и пригож, только мочит портки
К матери сестры с поклоном идут
Злую судьбу дружным хором клянут
Та отвечает неспешно: сыны
Сильными быть от рожденья должны
Это природа творит, а на мать
Нет никакого резона пенять

Разные версии подобных песен о сестрах встречались на широкой территории. Часто в них были отражены местные особенности.

Например, в песне «Деревня Бэйчжан» (Бэйчжан цунь; 北张村) есть строка: «Целый день стоит у подножия бумажной стены» (чэнъятъянь ли цзай чжи цянгэн; 成天立在纸墙根). Большинство жителей деревни Бэйчжан, которая в прошлом находилась на юго-западе г. Чанъань, занималось изготовлением бумаги, и повсюду стояли специальные стены для ее сушки.

Песенка «Месяц небо покидает» (月亮走; юэлян цзоу) на первый взгляд похожа на мистический ритуальный заговор. Однако это всего лишь некогда популярная песня, вероятно несколько видоизмененная. Подобный перенос популярных песен в народные часто встречается в мировой культуре.

月亮走，我也走，我给月亮提花斗。一提到天门口，开开天门折石榴。石榴树上一个叫，看把麻子娘吓一跳 [1, c. 17].

Yuèliàng zǒu, wǒ yě zǒu, wǒ gěi yuèliàng tíhuā dòu. Yī tí tí dào tiānménkǒu, kāi kāi tiān mén zhé shíliú. Shíliú shù shàng yīgè jiào, kàn bǎ mázǐ niáng xià yī tiào.

Месяц небо покидает
Я пойду на ним восслед
Для него нарву в ведерко
В чистом поле летний цвет
Я в небесные ворота
Положу граната плод
Отчего с вершины древа
Кто-то криком изойдет
От невиданного шума
Дрогнет синий небосвод
И у Мацзы-нян со страху
Тело холодом сведет

Мацзы-нян (麻子娘; рябая матушка), о которой здесь идет речь, служит эвфемизмом для распустехи, неаккуратной и запущенной женщины. Гранат же традиционно символизирует богатое мужское потомство.

Народные песни служили основой для других жанров народного творчества. Например, в 1989 г. прославленная шэньсийская резчица бумажных узоров Ку Шулань 库淑兰 (1920–2004) создала ставшую известной работу на сюжет песни «Пустое дерево» (*кун-кун шу*; 空空树).

正月里，二月中， 我到菜园去壅葱。 菜园有棵空空树，空空树，树
树空， 空空树里一窝蜂。蜂蜇我，我遮蜂， 蜂把我嚼的虚腾腾 [11,
c. 76].

Zhēngyuè lǐ, èr yuè zhōng, wǒ dào càiyuán qù yōng cōng. Càiyuán yǒu kē
kōngkōng shù, kōngkōng shù, shù shù kōng, kōngkōng shù lǐ yīwōfēng.
Fēng zhē wǒ, wǒ zhē fēng, fēng bǎ wǒ zǎn de xū téngténg.

В январе да в феврале
Лук сажала на дворе
Вижу — дерево пустое
Пчелы в нем клубятся роем
Пусто в дереве пустом
Только пчелы вьются в нем
Пчелы вмиг меня догнали
Облепили, искусали
От укусов вся дрожу
Вся в укусах я хожу

При переводах я в первую очередь руководствовалась целью не только воспроизвести смысл стиха, но и его настроение, а также характер рассказчика, от лица которого идет стихотворное повествование. Как уже упоминалось выше, невозможно полноценно передать на русском ритмический рисунок китайской народной песни, которая чаще всего служила сопровождением для ручного труда либо рутинных действий (укачивание детей), основанных на многократном повторении тех или иных монотонных движений. Особенno сложны для переложения на русский язык стихи, где присутствует счет (детские считалки).

Лиризм, характерный для связанный с женщинами поэзии, значительно упрощает задачу переводчика китайских стихов на русский язык.

Если обратиться к наиболее явным общим чертам приведенных здесь песен, можно отметить частое использование в первых строках образных выражений: «распустились розы», «красный боб, зеленый рис», «скати-ка тележку, разбей-ка яйцо». Они отчасти связаны с сюжетом, но представляют собой своего рода ритмическую вводную преамбулу.

Безусловно, народная песня служит бесценным средством понимания народной культуры. Цзун Минъань справедливо сравнивает изучение песенно-поэтических народных произведений с анализом древних памятников и полевыми исследованиями в области истории и археологии [1, с. 4], поскольку народная песня — голос не одного человека, а множества людей. Именно в ней оказываются особенно метко подмечены особенности быта и жизни, а также, что немаловажно, человеческих чувств в те или иные эпохи.

Литература

1. Цзун Минъань 宗鸣安 (2014), *Гуаньчжун цзю гэяо* (关中旧歌谣. Старые песни Гуаньчжуна). Сиань: Шэнъси жэнъминь чубаньшиэ.
2. Казакова И.В. (2017). Китайская фольклористика, София, №2, ч. 2 (2017), с. 83–87.
3. Алексеев В. М. (1966), Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях, М., Наука.
4. Гэн Шэнлянь 耿生廉 (2010), *Вого ханьцзу миньгэ лиши цзяньшу* (Краткое описание народной музыки народности хань нашей страны. 我国汉族民歌历史简述). Чжунго иньюэ, №4 (2010), с. 44–62, с. 153.
5. Жэнъ Сыюй 任思渝 (2012), *Шаньбай миньгэ дийт тэсэ* (Региональные особенности народной песни Северной Шэнъси. 陕北民歌的地域特色), Миньцзу иньюэ, №4 (2012), с. 21–22.
6. Су Цзюнь 苏 军 (2016), *Шаньнань миньгэ лиши чуаньчэнъ юй лю ю вэнъхуа чанье фачжань гоусян — и шаньси ханьчжун чжэнъба*

миньэг вэйли (Историческое наследие народных песен Южной Шэньси и концепция развития туристической культурной индустрии на примере народных песен Чжэнъба города Ханьчжун, пров. Шэньси. 陕南民歌历史传承与旅游文化产业发展构想 — 以陕西汉中镇巴民歌为例), *Миньцзу иньюэ*, №5 (2016), с. 4–6.

7. Кравцова М. Е. (2021), Стихи о разном. Китайская лирическая поэзия с древности и до VI в. в переводах М. Е. Кравцовой, СПб, Петербургское востоковедение.
8. Меньшиков Л. Н. (2023), «Жемчужного дерева ветви из яшмы...», М., Азбука.
9. Мыльникова Ю. С. (2014), Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века), СПб, НП-ПРИНТ.
10. Фан Цзянь 方健 (2014), Чжунго чуаньтун цысю дэ шэхуэй вэнъхуа ши цзеси (Анализ социальной и культурной истории китайской традиционной вышивки. 中国传统刺绣的社会文化史解析), *Journal of Silk*, 51(12) (2014), с. 56–63.
11. Лян Жуй 梁睿 (2011), Ишоу Гуаньчжун гэяо дэ миньсу чаньши (Народная интерпретация гуаньчжунской народной песни. 一首关中歌谣的民俗阐释), *Сяньян шифань сюэюань сюэбао*, Т. 11, № 5 (2011), с. 76–77.

References

1. Zong Ming'an 宗鸣安 (2014), *Guanzhong jiu geyao* (关中旧歌谣. Old songs of Guanzhong). Xi'an: Shaanxi renmin chubanshe (*in Chinese*).
2. Kazakova I. V. (2017). Chinese folkloristics, Sofia, No. 2, part 2 (2017), pp. 83–87 (*in Russian*).
3. Alekseev V.M. (1966), Chinese folk painting. The spiritual life of old china in folk images, Moscow, Science (*in Russian*).
4. Geng Shenglian 耿生廉 (2010), *Woguo hanzu minge lishi jianshu* (A brief description of our country Han folk songs. 我国汉族民歌历史简述). *Zhongguo Yinyue*, No. 4 (2010), p. 44–62, pp.153 (*in Chinese*).
5. Ren Siyu 任思渝 (2012), *Shanbei mingge diyu tese* (Regional features of the folk song of Northern Shaanxi. 陕北民歌的地域特色), *Minzu Yinyue*, No. 4 (2012), pp. 21–22 (*in Chinese*).
6. Su Jun 苏军 (2016), *Shan nan mingge lishi chuancheng yu lvyou wen-hua chanye fazhan gouxiang — yi shanxi hanzhong zhenba mingge weili*

- (Historical heritage of folk songs of Southern Shaanxi and the tourist cultural industry development concept on the example of Zhenba folk songs of Hanzhong city, Shaanxi Province . 陕南民歌历史传承与旅游文化产业发展构想 — 以陕西汉中镇巴民歌为例), *Minzu Yinyue*, No. 5 (2016), pp. 4–6 (*in Chinese*).
- 7. Kravtsova M. E. (2021), Poems about different things. Chinese lyric poetry from ancient times to the 6th century in translations by M. E. Kravtsova, St. Petersburg, St. Petersburg Oriental Studies (*in Russian*).
 - 8. Menshikov L. N. (2023), “Pearl tree branches made of jasper...”, M., Azbuka (*in Russian*).
 - 9. Mylnikova Yu. S. (2014), Legal status of women in the history of medieval China (VII–XIII centuries), St. Petersburg, NP-PRINT (*in Russian*).
 - 10. Jian 方健 (2014), Zhongguo chuantong cixiu de shehui wenhua shi jiexi (A study on the social and cultural history of Chinese traditional embroidery. 中国传统刺绣的社会文化史解析)), *Journal of Silk*, 51(12) (2014), pp. 56–63 (*in Chinese*).
 - 11. Liang Rui 梁睿 (2011), Yishou Guanzhong geyao de minsu chanshi (Folk interpretation of Guanzhong folk song. — 首关中歌谣的民俗阐释), *Xianyang shifan xueyuan xuebao*, Vol. 11, No. 5 (2011), pp. 76–77 (*in Chinese*).

Автор / Author

Комаровская Полина Антоновна — кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Восточного факультета СПбГУ.

Komarovskaya Polina — PhD, Senior Lecturer, Department for Theory and Methods of Training in Languages and Cultures of Asia and Africa, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University.

E-mail: p.komarovskaja@spbu.ru